

«Люди военного времени в небытие не ушли...»

Тема войны в поэзии Вадима Беднова и Ольги Фокиной

Самобытные северные поэты Вадим Анатольевич Беднов (4 июня 1937 – 21 марта 1992) и Ольга Александровна Фокина (р. 2 сентября 1937) – ровесники, в год, когда началась Великая Отечественная война, им исполнилось по четыре года, и, казалось бы, что они могут помнить о войне.

Однако их непосредственные детские впечатления представляются важными и ценными свидетельствами о жизни военного Архангельска и тыловой северной деревни. Эти впечатления оказались такими сильными и яркими, что не потускнели в памяти поэтов спустя долгие годы. Для них военная тема стала одной из самых главных, самых заветных.

Важно отметить, что тема войны в творчестве и Вадима Беднова, и Ольги Фокиной раскрывается в трёх направлениях:

- 1) личные воспоминания о военном и послевоенном детстве;
 - 2) отражение следов войны в судьбах людей;
 - 3) память о воевавших и погибших в грозные военные годы.
- Обратимся к анализу поэтических произведений.

«Я ВИДЕЛ АД, КОТОРЫЙ ПАДАЛ С НЕБА...»

В стихотворении «Мне сравнялось четыре...» Вадим Беднов создаёт убедительный образ ребёнка, постигающего, что такое война, которая сначала ему представляется игрой, затем – жестокой реальностью:

*Мне сравнялось четыре
две недели назад.
А во взрослом загадочном мире
о войне говорят.*

Обращает на себя внимание документальная точность: день рождения В. Беднова – 4 июня.

У взрослых – непонятный, загадочный мир, а ребёнку не о чем тревожиться: Только мне ведь четыре – / и война не страшна; для него война – это игра в солдатики, а разговоры о войне – сюжет для игры:

*В две шеренги я строю
оловянных солдат –
занимаюсь игрою
в то, о чем говорят...*

Разговоры разговорами, но когда начались бомбёжки, а Архангельск очень сильно бомбили в первые годы войны, тогда и ребёнку станет ясно, что такое война:

*Скоро собственной кожей
я почувствую – сердце замрёт –
ни на что не похожий
бомбы вражеской лёт.*

Оглушительный пушечный залп вносит коррективы в детскую игру, со стола падает игрушечный солдатик: Он умрёт понарошку / и воскреснет опять. Но совсем скоро придёт понимание, что настоящий солдат – не оловянный и ему не подняться убитому:

*Сам пойму я – тогда-то
мне исполнится пять, –
что убитому пулей солдату
в строй с живыми не встать.*

Пять лет – это уже солидный возраст для ментально повзрослевшего ребёнка войны, который уже осознаёт все её трудности и лишения, у него уже появляются свои «взрослые» обязанности: ...Буду с мамой картошку / в воскресенье копать... В поэтических строчках отражены привычные реалии военного города: Вместо звездного неба – / маскировка окна. И голод, когда Корка чёрстого хлеба / до чего же вкусна!

В стихах о военном детстве создаётся притягательный образ матери лирического героя – заботливой, доброй, старающейся скрасить военное бытие сына. Так, в стихотворении «Мишура и канитель» рассказывается о том, как мама «священнодействует», наряжая новогоднюю елку: А в окна с белыми крестами / мела декабрьская метель – белые бу-

мажные кресты на стеклах окон для того, чтобы убедить их от воздействия взрывной волны, – одна из показательных деталей военного быта.

*И мама на меня смотрела,
забыть пытаюсь о войне,
о карточках, о канители
очередей с пяти утра...
А нити частые метели*

блестели, словно мишура – здесь упоминаются карточки, очереди, свидетельствующие о трудностях снабжения города продовольствием, при этом обыгрываются разные значения слова канитель – 1) 'очень тонкая металлическая нить для вышивания'; 2) 'нудное, с проволокою тянущееся дело'; метель сравнивается с мишурой – 'металлические, посеребрённые или позолочённые нити, идущие на изготовление галунов, парчовых тканей': Я помогал развесить маме / и мишуру, и канитель.

Яркое, сверкающее в небе, подобное салюту, то, что могло бы порадовать ребёнка, обернулось страшным и беспощадным:

*Мы уже собирались спать,
я замешкался со шнурком,
тут меня поманила мать:
– Погляди-ка, что за окном! –
Это было – как фейерверк!..
Но раздался тревожный вой.
Не взмывали ракеты вверх,
а бросались вниз головой...*

(«Воздушная тревога»)

Местоимения «что» и «это» автором выделены, в стихотворении противопоставляются праздничный салют (взмывали вверх) и сигнальные ракеты перед бомбежкой (бросались вниз головой – метафора на основе олицетворения – отчаянный поступок ракет).

И далее говорится о том, как в жизнь ребёнка вошли страшные слова: «Воздушная тревога!», давшие название стихотворению, но эти слова не названы в тексте, они поданы как те слова, выделенные рядкой, – указательность местоимения подчеркивает особую значимость этих слов и нежелание их произносить, поскольку они связаны с тем страшным и беспощадным, что происходит на войне, с тем, что невозможно забыть:

*Репродуктор включила мать –
и впервые я услышал
те слова,
век бы их не слышать! <...>
А сквозь грохот звучали опять
из квартирных глубин пустых
те слова,
век бы их не слышать!*

Но забыть невозможно их.

Здесь появляется ещё одна важная деталь воен-

ной жизни – бомбоубежище в подвале дома: Мы спускались в сырой подвал, / что надежною крепостью слыл. Передаётся эмоциональная реакция людей на бомбежки, при этом противопоставляются молитвы и проклятия: Кто-то бога вслух поминал, / кто-то Гитлера матом крыл...

Детские воспоминания воскрешают страшные пожары – результаты многочисленных сильных бомбёжек Архангельска: Я помню / наши страшные пожары / среди бела дня / под проливным дождем; у поэта рождается емкий яркий образ: Я видел ад, / который падал с неба («Я помню наши страшные пожары...»).

Налёт фашистов уносит жизнь двоюродного брата лирического героя стихотворения «Налёт», во время его похорон снова случается налёт, поэт создаёт образ, соотносимый со страшной сказкой:

*Будто в страшной сказке,
налетели
злые птицы
с крыльями стальными, –
чёрные стервятники хотели
растерзать*

и мёртвого с живыми... – слово мёртвого выделено автором. Это событие оставляет след в эмоциональной памяти автора: Этот день, / ничем не знаменитый, / в сердце мне / пустил, / как в землю, / корни.

Ш.З. Галимов считает: «Атмосфера тех лет воссоздается через восприятие мальчишки из интеллигентной семьи и получает поэтому своеобразное преломление»: Я помню наши бедные базары, / мальчишку, / что на палочку с гвоздём / накалывал картофелину ловко / и мчался прочь, / а вслед ему торговка / грозила божьим и земным судом («Я помню наши страшные пожары...»).

Военные испытания стали для поэта закалкой, мерилем крепости тела и духа: ...и очереди – / долгая дорога / к ступенькам магазинного крыльца <...> ...Меня стоянье это закалило / и научило / ждать и догонять; ...вспомнишь детство / и минувший ад – / воспрянешь духом («Я помню наши страшные пожары...»).

В личной судьбе В. Беднова отражается судьба его родного города:

*«Фоккельвульф» круги в высокой сини
грозна над объектами чертил...
Жил трудом и верой в наши силы
город мой, полуголодный тыл.
Не хватало хлеба... Не хватало
нам для жизни многого тогда.
И в жилищах наших обитала
дистрофия – тихая беда...
(«Кощей Бессмертный»)*

Город глядел голодными глазами: «Хлеба... хле-

ба!.. («Я помню наши страшные пожары...») В стихах автобиографического плана «оживают картины «грозных сороковых», воссоздается облик военного Архангельска, изображаются суровые будни города, незаметный повседневный героизм населения», – читаем в статье Ш.З. Галимова.

Стихи Вадима Беднова, посвященные архангельскому военному детству, встречающиеся в разных сборниках поэта, по мнению Е.Ш. Галимовой, тематически организуются в самостоятельный и очень выразительный цикл, хотя сам автор такой цикл не сформировал.

В военных стихах В. Беднова повторяются знакомые образы: бомбёжка, очереди, голод, дистрофия: А снились мне / бомбёжка / и дистрофик, / качавшийся, / подобно деревцу («Я помню наши страшные пожары...»). Но – / читается детство / от военной строки, – / от воздушной тревоги, / бомб, / спаливших детсад... («Быстрый май на исходе...»); проявляются характерные детали военного быта: ...ещё живет в душе надежды свет, / как язычок копилки незабвенной / в потёмках, в чутких снах поры военной – / наш маячок далёких детских лет, / заветных лет... («Другу детства»); ...военных дней дошкольник / от начала до конца / помнил каждый треугольник, / прилетевший от отца («Паруса»); упоминаются примечательные городские объекты: Башня / кирхи немецкой / видна из окна. / Эта кирха весьма знаменита: / нас от бомбы немецкой / спасала она – / с башни / метко стреляла зенитка («Немецкая кирха»).

Паруса на Двине напоминают лирическому герою треугольники фронтовых писем:

*Рос малыш, судьбой хранимый,
и любил глядеть, как мимо
проплывают паруса
треугольниками писем
по родной реке Двине... («Паруса»)*

Ш.З. Галимов пишет: «В стихах говорится и о горечи пережитых бед, и о невозможности, недопустимости их забвения, ибо память не только жжёт, она духовно укрепляет, она учит ценить настоящее».

В годы войны появляются первые рифмованные строчки будущего поэта, которому в 1945 году исполнилось восемь лет:

*Был близок
над врагами страшный суд.
И о победе
сочинял я строфы
и посылал стихи на фронт – отцу...*

(«Я помню наши страшные пожары...»)

Военное детство оставляет неизгладимый след в душе поэта, война у него прочно ассоциируется с июньскими днями – своим днём рождения и днём начала войны:

*День четвёртый июня –
день рождения мой.*

*И опять накануне
я встречаюсь с войной,
с пятилетним собою;
писем жду от отца;
вместе с мамой живою
я пою про отца...
От себя, от бывшего
не уйти и в дела.
Будет 22-го ночь,
как в детстве, светла...*

(«Быстрый май на исходе...»)

Е.Ш. Галимова считает, что для поэта «суровые уроки, полученные в детстве, остались на всю жизнь – важнейшими».

Послевоенные годы тоже полны невзгод, которые формировали личность и характер лирического героя В. Беднова:

*Конечно, мы видали виды –
в сороковых ещё годах:
просили деньги инвалиды
в толпе вокзальной, в поездах;
и с нами сын врага народа
стоял ночами за мукой... («1953. Июнь»)*

После войны подростки увлечённо играли в войну в городских дворах, эти игры закаляли, воспитывали и вдохновляли их:

*Вы нас закаляли, дворы, –
изнанки пристойных фасадов.
Вы нас вдохновляли, дворы:
за каждым сараем засада
и в каждом сарае штабы;
рождались великие планы! («Дворы»)*

Послевоенное детство было голодным, оно научило детей той поры ценить «Насущный хлеб», именно так называется одно из стихотворений В. Беднова:

*Годы первые послевоенные
с нашим школьным совпали детством.
Булки белые обыкновенные
мы считали деликатесом.*

Далее рассказывается о том, как учительница после последнего урока раздаёт сероватые и сыроватые булki голодным школьникам, которые в предвкушении хмелели, растревоженные хлебным ветром, а потом смаковали пайку вкусной «небесной манны»; Ели вдумчиво и внимательно, / ели, словно решали задачи, поэтому слаще мёда и сахара кажется лирическому герою хлеб насущный. И этот урок тоже оказался усвоенным на всю жизнь.

«Грубый шрам в душе» поэта оставила обида, пережитая в детстве: хулиган отобрал у него кулёк с новогодним вкусным подарком, а случилось это: В

послевоенный год тяжёлый, / пред самым праздником, зимой; герой недоумевает: за что меня лишили счастья, / в два счёта в труса превратив?! («Кулёк»)

После войны В. Беднову довелось пройти и суровое нравственное испытание, о чём он поведал в стихотворении «Баллада о пустоте» (в первой редакции – «Пустота»). Большое количество инвалидов войны нищенствовало, попрошайничало, лирический герой, воспитанный советской школой, считал такое поведение бывших воинов недопустимым и относился к этим людям хоть с жалостью, но чуть ли не с презрением.

*Подростком я немало повидал
обкраденных войной увечных нищих.
Я их жалел,
но им не подавал:
казалось мне, что просят не на пищу.*

*Познавшие лишенья тех времен,
мы верили, несытые мальчишки,
что по заслугам каждый награждён
и за столом у нас никто не лишний.
(в первой редакции: ...войной клеймённых /
инвалидов нищих)*

Но однажды случилось то, что заставило лирического героя изменить своё отношение к этим несчастным людям: Однако довелось мне как-то раз / без мамы ехать в поздней электричке. Следует заметить, что использование слова электричка ставит под сомнение автобиографизм стихотворения (в Архангельске нет электричек, пригородные поезда – не на электрической тяге), видимо, поэт решил создать более обобщённый, а не сугубо архангельский образ.

*Вот что произошло:
...В окошке за верстой летит верста.
Передо мной стоит небритый дядя,
а в рукаве у дяди – пустота,
и пустота – бездонная – во взгляде.*

Как видим, здесь выразительно представлен заглавный образ стихотворения, обыгрываются разные значения прилагательного пустой, от которого образовалось слово пустота: 'ничем не заполненный, полый внутри, лишённый содержания', 'отсутствующий, ничего не выражающий (о взгляде)': пустой рукав свидетельствует об отсутствии руки у инвалида, пустой взгляд – об отрешённости, апатии, безысходности нищего, вынужденного побираться по вагонам.

Герой испытывает острое чувство стыда: И так неловко мне – хоть провались! – за калеку ли (верю я, что честных нищих нету), а может, и за себя, не сумевшего преодолеть предубеждение: А грудь мою сдавила пустота, / и только не хватает мне запла-

кать... Здесь проявляется особый оттенок значения слова пустота, соотносимый со значением слова опустошённый – 'лишившийся нравственных сил'.

Первая редакция стихотворения, опубликованная в сборнике 1981 года, на этом и заканчивается, во второй же редакции, опубликованной в 1990 году, далее ведётся речь о том, как

*Солдат безрукий кланялся и пел
с привычной задушевностью, негромко,
он пел:*

*«Нас извлекут из-под обломков...» –
пел вовсе без укора –
тем, кто цел...*

Песня переворачивает душу лирического героя, ему становится больно и стыдно за себя недавнего: как раны незажившие, болят / в моей душе бездонные пустоты... – множественное число слова пустота как раз и передаёт духовное прозрение героя, его сострадание, скорбь, острое ощущение вины. Заканчивается стихотворение искренним возгласом взрослого, много пережившего поэта, взявшего на себя право говорить от имени своего поколения:

*И памяти о нём не истребят
моей судьбы любые перемены.*

*От имени ребят
поры военной –
«Прости, –
я говорю, –
прости, солдат!»*

Это стихотворение стало песней, на музыку его положил известный бард Евгений Клячкин, друживший с Вадимом Бедновым.

В ряде поэтических произведений Вадим Беднов создаёт пронзительные, глубокие образы людей, в судьбах которых война оставила неизгладимый след.

В стихотворении «Кощей Бессмертный» образ сказочного злодея в детском сознании срастается с обликом больного дистрофией, которым вертела, как хотела, / здесь в тылу треклятая война. Много внимания уделяется описанию его внешнего вида: ...Трудно быть, наверное, тощее, он, больной, голодный, трясся весь; он тогда казался мне Кошеем, / что пришёл меня, мальчишку, съесть.

Его внешний вид практически не изменился и спустя многие годы после войны:

*Я того дистрофика встречаю
нынче, как в былые времена;
а его качает и качает,
будто и не кончилась война.*

Он представляется поэту бессмертным напоминанием о войне, укором и предупреждением: К немошному, горькому бессмертью, может быть, войной приговорен?... в нем от боли прошлое кричит!

В следующей части стихотворения повествуется о том, как автор встречается своего героя, гуляя по городу с сыном:

*И сегодня, в день воскресный, светлый,
словно тень, бесплотен, измождён,
мимо нас прошёл «Кощей Бессмертный».
«Ты, сынок, не бойся – добрый он!»*

Встреча с ним спровоцировала разговор о героях и жертвах войны: измождённых узников концлагерей, голодных ленинградских блокадников, изготавливающих на заводах снаряды. Эта встреча стимулировала позднее раскаяние поэта: ...Я ему тогда не дал ни крошки – / жизнь со сказкой путал я тогда (слово выделено автором).

Ш.З. Галимов по поводу этого произведения В.Беднова пишет: «Особенно удачным представляется мне стихотворение «Кощей Бессмертный». Это баллада о мучениках, о людях величайшей самоотверженности, отдавших заветной цели – достижению победы над врагом – всё: и помыслы, и здоровье, и силы. Имя героя стихотворения не названо. Это безымянный житель города, «доходяга». И фольклорные краски проливают новый свет на показ реального человека. Фигура много пережившего труженика приобретает резко обобщённый характер. Да, это действительно образ-символ, говорящий о титанической духовной стойкости трудового народа, о его неодолимости, о его бессмертии. Внутренняя логика баллады, её мотив – мушкетерство лирического героя, постепенное познание им красоты и величия души народной».

Герой стихотворения «Постоянство» дворник дядя Ваня – участник двух мировых войн – добрый, сильный, мужественный, жизнерадостный и жизнестойкий человек: вокруг него всегда «толчётся малышня», он ответственно относится к своей работе, он не прочь хлебнуть за мёртвых и живых, / за то, что сам / с того вернулся света; его немощью не наградили годы, / хотя ему за семьдесят давно, / и за спиной сраженья и походы, однако ему Не вымести вовек из сердца / двух / минувших войн железные занозы... – обыгрываются прямое и переносное значения глагола вымести.

Сторож дядя Вася выведен героем ироничного стихотворения «Воскресный вечер. На мотив старой песни», посвящённого антиалкогольной кампании. Дядя Вася, «войны великой инвалид», не одобряет новые порядки, более того, он их «грустно материт». Автор сетует, что

*Таких, как он, уже немного,
клеймённых, травленных войной.
Им причаститься б на дорогу
в безалкогольный мир иной.*

Однако не разбудить того наркома, / чтоб выдал

сто солдатских грамм – речь идет о разрешённых приказом комитета обороны 100 граммах водки для солдат и офицеров на передовой. Герой обескуражен тем, что Как под обстрел в тылу глубоком / мы попадаем под Указ, тем, что внуки могут превратно истолковать его, дяди Васи, время и подвиги.

Стихотворение «Солдатка» строится как монолог женщины, потерявшей на войне мужа и сына:

– Без хозяина дом – сирота, –
горемычна солдатки судьбина:
постучалась беда –
отворяй ворота
«похоронкам» на мужа
и сына...

Безысходное отчаяние, горькая боль не дают ей покоя ни днём ни ночью. Ей видится каменный остров и парохода обугленный остов, ей слышится тихий зов сына над бездной арктических вод. Но только ничего исправить уже нельзя: Сын в избу не взойдёт... / Бабий век изойдёт. Надо жить, надо работать, работа пересилит боль, и только ветер ночной порой способен подарить надежду, скрипнув воротами, но от этого еще больнее:

*В полночь вздрогну, коль скрипнут ворота.
Ветер, сердце не рви!
Ночь, скорее плыви!..
Утром
боль пересилю
работой.*

Это стихотворение известно как песня автора-исполнителя Евгения Клячкина.

Во многих крестьянских домах как священная реликвия хранятся заветные фронтовые письма:

*Почти за каждую божницей
письмо заветное хранится:
бумага чуть жива,
обратный адрес – поле битвы;
твердят старухи, как молитвы,
корявых строк слова... («Хозяйки богов»)*

В стихотворении «Ветераны» проникновенно говорится о том, что воспоминания о войне не дают покоя ветеранам-морьякам, тревожат их: – Вновь шевельнулось былое, / словно осколок в груди... Их сны беспокойны, мучительны:

*Вновь пузырится пучина
документального сна, –
это в ночи
субмариной
память
всплывает
со дна.*

Камертоном переживаний, символом тревоги становится ёмкий, красивый образ – колокол громкого боя, это морской термин, означающий вполне

прозаический 'электрический звонок на корабле для подачи сигналов тревоги', но в его основе знаковые выразительные слова, вызывающие возвышенные поэтические ассоциации. Этот колокол тревоги, всё заглушая, гудит, этот колокол бьётся, как сердце, и вся грешная наша Земля представляется колоколом громкого боя.

Ветеранам не всё равно, что будет на Земле, как будет жить Родина, ради которой они шли на смерть:

*Что же главное?
– Родина.
У Рыбачьего бой.
Бой смертельный.
Решающий –
как другие бои,
где остались товарищи
молодые мои.*

Основу спектакля Архангельского молодежного театра-студии «Колокол громкого боя» составили стихи Вадима Беднова о военной поре. Николай Харитонов в газетной статье делится впечатлениями о нём: «Какую же силу чувства, обжигающей правды должны нести поэтические строки, чтобы заставить людей, переживших войну, и тех, кто знает о ней лишь по рассказам, плакать...»

Герою стихотворения Вадима Беднова «Остров Медвежий», посвящённого Рудольфу Кунникову, бывшему матросу эсминца «Разумный», автору нагрудного знака «Участник плавания в конвоях», накануне Дня Победы снится несмолкающий бой у острова Медвежий:

*Ночью мирной, светлеющей, вешней,
накануне победного дня,
пробуждается остров Медвежий
в океане, в зарницах огня. <...>
...Воют бомбы и рвутся торпеды,
и встают обелиски воды...
Далеко до Великой Победы,
и рукою подать – до беды...*

Он видит себя семнадцатилетним, вновь ему представляется его первый бой:

*Очень стыдно ему признаваться,
что струхнул поначалу всерьёз <...>
Стынет кровь от растущего воя,
и под сердцем растёт холодок.*

Остров Медвежий выступает в стихотворении символом памяти о героических полярных конвоях: он – свидетель военных трагедий / и минувшего горестный знак.

Старый киномеханик, ветеран войны, герой стихотворения «Кинщик заболел» падает, сражённый сердечным приступом, во время киносеанса, когда на экране увидел,

*будто он лежит ничком
с раздробленной ногой в сорок четвёртом,
сполна не рассчитавшийся с врагом,
беспомощный, недвижный, бездыханный...*

Война не отпускает своих бойцов, подстерегает их, держит в напряжении, не даёт покоя: Но миной невзорвавшейся / война / еще живёт в сердцах и случай ищет...

Образы войны доминируют в стихотворении Вадима Беднова, посвящённом памяти поэта-фронтовика Сергея Орлова:

*Дважды в танке горел – не сгорел,
раскалённой зажат бронёй;
часто смерти в глаза смотрел;
обожжённый пришёл домой.*

Война определила его судьбу петь о дружбе солдат, / об отваге русских парней / и о тех, без чинов и наград, / для кого Земля – мавзолей (здесь используется образ самого Сергея Орлова). В стихах он продолжает бой, снова в танке своим горит. / Сердцем, / кровью своей, / судьбой / он посмертно стихи творит!

Страшные следы войны несут на себе населённые пункты, регионы: В том городке / корявый след войны / наполнен материнскими слезами («В том городке»); И всё ж нашёлся враг, скопивший силы, / каких ты в старину и не знавал. / Стоял ты насмерть... Братские могилы / не затерялись в лабиринтах скал... («Крым»); ...Взрослым / каменных львов / довелось заслонять / от снарядов и бомбы / в минуту блокады; / смерть косила людей. / Если всех изваять, / обернётся некрополем / лик Ленинграда («Гранитные львы»).

Сама земля страдает, с трудом заживает раны, нанесённые ей войной:

*Многострадальная, живая,
о, сколько ты пережила!
Война вторая мировая
тебя рвала, кромсала, жгла... («Земля»)*

Война закаляет не только людей, вот мчитесь тудяга-газик:

Он всюду пройдёт-проедет – / закалка-то фронтовая! Он стойкий, как ванька-встанька, / выносливый – вроде танка, / натужно рыча, вылазил / из грязи – да снова в князи («Газик»).

22 июня – День памяти и скорби – для многих поколений россиян важный и знаковый день: Но кто из нас / не вспомнит, / что в такой же день и час / пришла беда / расстрелянным рассветом?! («22 июня»)

Простой возглас «Война!» способен заставить человека содрогнуться, поскольку в нашей генетической памяти жив ужас войны. В стихотворении «Однажды рано утром» В. Беднов описывает показательный в этом плане случай на теплоходе: лиричес-

кий герой, будучи корреспондентом газеты, пытался разговорить старпома, ему это не удалось, они какое-то время помолчали вдвоём и вдруг услышали возглас:

– Война!.. Опять война!..

*Старпом вздрогнул,
уставился в иллюминатор
и тут же перевёл немигающий взгляд
на меня.*

*Не знаю,
как тогда выглядел я,
но внутри у меня,
как говорится, похолодело* – последнее слово выделено автором. Минутное оцепенение прошло, и старпом объяснил ситуацию: – Опять наша Люська с боцманом воюет!..

Своеобразным заклинанием для военных и первых послевоенных поколений наших людей было выражение: «Лишь бы не было войны», это тоже неизбежное проявление неизбывной памяти о лишениях и страданиях в годы военных испытаний:

Но никто не вечен.

...Так-то, старина.

*Встретим добрый вечер,
он уж недалече.*

Только б не война... («Добрый вечер»)

Тема благодарной памяти о прошедшей войне, тема поклонения святому племени фронтовиков, тема скорби по погибшим, отдавшим свои жизни за то, чтоб будущие поколения могли жить в мире, – одна из главных тем в творчестве Вадима Беднова, чьё детство было опалено войной, чей отец воевал на фронте.

В стихотворении «Фронтовики» поэт подчёркивает прочную связь поколений, обращаясь к воевавшим отцам: Мы – урожаи / вашего посева, / в нас / не погасла / ваша боль святая. Он убеждён, что эта боль живёт и во внуках, как будто отсвет / грозных / пожаров, / что присниться / им не могут. Однако в современном мире не всё спокойно: Но бог войны – / и проклят, / да не свергнут – / апостолов ссылает / на проверку. Заканчивается стихотворение эмоциональным возгласом: уходить, / отцы, / повремените!

С этим произведением Вадима Беднова перекликается его «Баллада о последнем солдате», в которой создаётся красивая гиперболизированная поэтическая ситуация:

*Когда-нибудь
(никто не знает даты)
проводят поседевшие сыны
и вся страна
в последний путь
солдата,
последнего участника войны.*

Этот последний участник сопоставляется с неизвестным солдатом, чья могила у Кремлёвской стены, и Вечный огонь возле неё является главным символом памяти о войне в нашей стране:

*И станет тяжелейшей утратой
для них,
для всех людей большой страны
кончина
всем известного солдата,
последнего участника войны.*

И вновь уверенно и оптимистично поэт заявляет о прочной связи поколений:

*Всё прошлое
своею меркой мера
(прочна времён связующая нить),
они победы наши и потери
верней, чем мы,
сумеют оценить.
Заканчивается баллада заклинанием:*

*...А нынче тех,
кто – с нами,
вопреки
и пламени, и пуле, и осколку,
я заклинаю вслух:
– Фронтовики!
И ты, отец!
Живите долго-долго!*

Песня композитора Б.А. Миронова, написанная на эти стихи В.А. Беднова, «Живите долго-долго» в 1985 году была удостоена диплома конкурса, посвящённого 40-летию Победы.

В двух стихотворениях Вадима Беднова, как символ памяти, представлено знаковое место Архангельска – монумент Победы и площадь Мира перед ним. Основной частью монумента является остроконечная стела, олицетворяющая склонённое знамя, возле неё в почётном карауле застыли фигуры защитников Родины: моряка, женщины-воина и солдата. В арке, прорезающей основание стелы, установлена бронзовая чаша, в которой горит Вечный огонь.

В стихотворении «После снегопада» вид зимней площади рождает ассоциации с кладбищем погибших на войне:

*На плитах площади, где обелиск Победы, –
сугробы, что стоят за рядом ряд,
как холмики на кладбище солдат,
которые не дождались победы.*

Фигуры монумента, засыпанные снегом, представляются часовыми на посту:

*И трое неподвижных часовых
с шинелей бронзовых стряхнуть не смеют снега.*

Снегопад неожиданно сравнивается с боевыми действиями:

*Быть может, ночью снег не падал с неба,
а был налёт, и к утру бой затих?..*

Однако ничто не нарушило мира в эту ночь, просто выпал снег, прибавив работы дворнику-фронтовику:

*Но был спокоен мирный сон живых.
И мой знакомый дворник, фронтовик,
управившись, идёт с буханкой хлеба.*

В стихотворении «На площади Победы (9 мая)» праздничное убранство площади воспринимается как знак почитания погибших:

*На строгом камне
цвета
шинельного сукна –
цветы
в преддверье лета,
как будто ордена,
посмертные награды
погибшим на войне.*

Цветы выступают и как символ мирной жизни:

*Глядят цветы живые,
наивны и нежны.
Им войны мировые
и бомбы не нужны.*

Однако мир в современном мире уязвим и неустойчив:

*А мир живет,
рискуя
стать мёртвою золой.
И медь скорбит, ликуя,
над веком,
над землёй...*

– в звуках праздничного оркестра совмещаются противоположные эмоции: скорбь и ликование, ведь действительно День Победы – это праздник одновременно радостный и печальный.

Ёмкая характеристика творчества поэта даётся в послесловии к одному из сборников его стихов: «Вадим Беднов чутко вслушивается в биение жизни в беспокойном мире. Наверное, так слушает пациента внимательный доктор. И «диагноз» поэта чаще всего художественно точен» (Юрий Леднев).

Борис Пономарёв отмечает: «Война оставила глубокий след в памяти Беднова. Вот почему у него родились такие очень современные гуманистические строки:

*На склоне двадцатого века
Назрел и всемирный закон,
Закон – не стрелять в человека
Всех наций, и рас, и племен».*

«ТЫ БУДЕШЬ ЗНАТЬ, ЗА ЧТО ТЕБЕ СТОЯТЬ!»

Ольга Фокина родилась в северной деревне, поэтому она в полной мере испытала на себе все тяготы и лишения военного тылового детства – голодного, холодного, трагического.

Непосредственные детские впечатления будущей поэтессы представляются важными и ценными свидетельствами о жизни северной деревни в годы войны, хотя, казалось бы, что может помнить четырёхлетний ребёнок, однако эмоциональная память, воплотившаяся в художественные образы, сохранила главное и наиболее значимое.

Несколько автобиографических стихотворений воссоздают живые картины прошлого, яркие бытовые детали, отражают пронзительные личные переживания, сформировавшие характер лирической героини, её нравственные принципы.

Наиболее важным и показательным в этом ряду является стихотворение «Я помню соседей по тем временам...» (1970) – о том, как дети вынуждены были идти побираться по соседям, потому что семья оказалась в отчаянном, безысходном состоянии:

...пятеро нас накопилось к войне.

Кормилец – в могиле, малец – в подолу,

Верёвка для петли – в поветном углу...

Главное, затмевающее всё остальное воспоминание – голод, особенно зимой, когда застыла злоежащая белая жуть. Природные реалии в воображении голодного ребёнка рождают образы, связанные непременно с едой, потому что солнце представляется ложкой, а небо – блюдом:

Лишь дым из трубы нашей, худ и белес,

Всё тянется, тянется к блюду небес,

Где новою, праздною ложкой пустой,

Вращается солнышка круг золотой;

сугробы напоминают поднявшееся тесто и пышный хлеб:

Как тесто, поднявшееся из квашни,

Как белые хлебы, сугробы пышны;

а хрустящий снег – сахар-песок:

Зайдёшь на задворки – до самых лесов

Насорен, насыпан всё сахар-песок.

И так же блестит он, и так же хрустит!

Вот только нисколько во рту не сластит.

И вот через непролазные сугробы, в больших маминых валенках, сваливающих с ног, отправляется маленькая девочка с сумой на боку за милостыней:

И вовсе не сладко в сугробе тонуть

И за уши валенок мамин тянуть.

Но ребёнок остаётся ребёнком, поэтому неблагоприятные обстоятельства превращает в игру, вступая в разговор с непослушным валенком:

– Великий, да дикий! И стар вот, а глуп!

Упёрся! В сугробе остаться ему б!

Разинул, дырявый, голодную пасть

И сахаром-снегом насытился всласть!;

но снова побеждают продовольственные ассоциации.

Поэтесса подчёркивает: Идти по деревне куски собирать / Мы сами решили: страшно умирать (обращает на себя внимание акцентологический диалектизм); гордой матери, не приемлющей такой способ существования (За спичкой в соседи – и то никогда!), пришлось смириться: Спроволила нам по суме из холста, / Учила просить, поминая Христа. Однако юная лирическая героиня рассудила иначе:

Зачем поминать его? Грех поминать:

Соседи и сами должны понимать...

Я криком кричала, молчанье храня:

– Подайте, коль можете, ради меня!

И ради братишек, таких же, как я! –

И руку выпрастывала из тряпья.

Этот безмолвный отчаянный крик красноречиво свидетельствует о положении тыловой северной деревни: ...Война-то война. А у нас – тишина; но за этой тишиной скрывается столько горя и лишений.

Детские ощущения врезались в душу, оставили неизгладимый след в памяти поэтессы, отразились на её миропонимании, на её восприятии людей:

Я помню глаза подававших людей...

Я вечный должник у деревни своей.

С помощью дефисных аппозитивов создаётся пронзительная метафора:

Перила-краюшки, ступеньки-ломти, –

Без этой бы лесенки мне не взойти,

И самую лучшую песню мою

Я людям, соседям моим, отдаю – взрастило лирическую героиню людское сочувствие, сопереживание, которое особенно дорого в годы испытаний.

В стихотворении создаётся ёмкий и трепетный образ – через вещи характеризуются люди:

...У каждого дома я помню крыльцо.

И помню ворота. И помню кольцо.

И тёмные сени (а чьи-то – светлей!).

И двери тугие (а чьи-то – слабей!).

И помню пороги: одни высоки,

Другие – пониже...

Помнит лирическая героиня и Не сдержанный, к корке добавленный, смех. / Безжалостный, сытый, ехидный смешок; который тоже не прошёл бесследно: Он ранил навывлет, он душу прожёт!; который закалил её, сделал сильнее: И тем, что живу я, и тем, что дышу, / Я этому смеху, не думая, мщу.

Голод в военные годы – доминирующее воспоминание, нашедшее отражение в творчестве Ольги Фокиной, о чём бы ни писала поэтесса:

*В маленькой деревушке,
Окружённой со всех сторон
Ёлками, да ёлушками,
Да голодным криком ворон,
В доме, где – ни горбушки
Хлеба на шесть едоков,
Не было у меня Пушкина,
Как не было башмаков... («Мой Пушкин»)*

Голод заставляет детей идти в лес, на поля и подбирать всё, что могло бы быть съедобным, что могло бы хоть на время заглушить страдание пустого желудка:

*Мы ребятами, бывало,
Подбирали всё подряд:
Колосок ли весь в пыли,
Корешок ли из земли,
Из картошки ли лепешки,
Из овса ли кисели... («Дети мёду не едят...»)*

Всё это представлялось благом нам, по существу у же всеядным («Полудница»). В одном из стихотворений поэтесса признаётся:

*Воспоминанья хороня,
Мы мало в памяти оставили,
Но луг от смерти спас меня
Своим и клевером, и щавелем.
А лес и раннею весной
(Не говорю про дань осеннюю)
Без говорильни показной
Не раз бывал моим спасением...*

(«Не знаю, что тебе писать...», 1963)

Весной, как только сходил снег, дети отправлялись на поля и огороды в поисках съестного, об этом читаем в стихотворении «Мой Пушкин» (1974):

*Жизнь начиналась с этого
Кончика грядки, где,
Маем едва пригретая,
Вешним ручьём разведанная,
Розовая, несъеденная –
Луковка в борозде.*

Здесь обращает на себя внимание пронзительная метафора «Жизнь начиналась», весна, когда появляется надежда найти пропитание, противопоставлена голодной, долгой, жестокой зиме, не достойной имени «жизнь»:

*Жизнь начиналась с колоса
В снежной ещё стерне,
С мягкой большой горошины,
Высунувшей росток,
С мёрзлой сырой картошины,
Вытертой о листок
(Знаю теперь: «Грамматики»),
С копанных корешков,
С чищеной мать-и-мачехи,
С пестиков, с петушков.*

Да, такой скудный рацион был у деревенских ребятишек военных лет, им оставалось только то, что случайно не было убрано, ушло под снег, ведь Всё, что рожали полосы, / Шло на прокорм войне; или то, что успело вырасти в первые теплые деньки.

В стихотворении «Дети мёду не едят...» (1975) голодное военное детство противопоставляется мирному счастливому детству, когда продуктов вдоволь:

*Не ругаю я ребят,
Что едят не всё подряд:
Пусть по вкусу выбирают
Да судьбу благодарят,
Что на фоне тишины
Пчёлы мирные слышны,
Что деньки сладки без мёда,
Потому что нет войны.*

В автобиографической поэме «Полудница» (1975) читателям представлены важные свидетельства о голодных военных годах в северной деревне:

*Нас, малых, было двое: я и брат.
Травой желудок обманув порожний,
Мы шли, глотая слезы, в детский сад,
А мать с косой – до вечера на пожню.*

Не любили дети ходить в детский сад, но там давали настоящий хлеб (сто грамм на брата), на обед – картошку, на ужин – кисель овсяный с молоком:

*Добром бросаться – счастья не видать! –
Та заповедь для нас поныне свята,
И мы старались мать не огорчать –
Вдову сироты павшего солдата.*

Простые бытовые предметы вызывают в памяти поэтессы военное детство, рождают пронзительные образы, лёгшие в основу стихотворений. Вот одно из них «Ручная наша меленка» (1985): мама велела младшему брату поэтессы сжечь на костре старую деревянную меленку как ненужную, однако для лирической героини это стало причиной для сильного эмоционального всплеска:

*Мне жалко было мельницу,
Хоть из огня выхватывай
И так, к груди прижатаю,
Из пламени неси!;
поскольку эта самая «меленка» –
Участница и спутница
Маленько отодвинутых
Назад военных дней,
Моловшая сиротские
Полусырые зернятки –
Худые, иньем битые –
В подобие муки.*

Как видим, здесь тоже есть упоминание о том,

что в пищу в войну шло то, что не должно быть нормальной человеческой едой: плохие, подмороженные зёрна перерабатывались лишь в некое подобие муки.

В военные годы была нужда во всём, не только в продовольствии. В стихотворении «Розовое мыло» (1959) речь идёт о самом обыкновенном куске туалетного мыла, скорей всего, земляничного, чей запах напоминает лирической героине запахи родной природы, этот кусок пахнет чем-то очень дорогим и чем-то несказанно милым, он вызывает прочные ассоциации с военным детством: Ты пахнешь детством, розовое мыло! / Как позабыть об этом я могла?

Память воскрешает, казалось бы, рядовой, незначительный эпизод, однако оставивший неизгладимые впечатления в душе ребёнка:

*...Была война. Дымы больших пожаров
Не залетали в нашу глухомань,
Но как-то в сельсовет пришёл подарок
С короткой странной надписью: «Для бань».
Я материнских глаз не позабыла,
Они светились, радовались так,
Как будто дали ей не кубик мыла,
А самородок золота в кулак.*

Что же необычного произошло? Самый обыкновенный кусок мыла напомнил о мирной жизни с её обыкновенными, повседневными радостями и благам, а главное, о сытости:

*Тогда впервые за четыре года
Мне снова пахло тёплым молоком,
И белым хлебом, и тягучим мёдом,
И васильками, и – живым отцом...*

Апофеозом счастья лирической героине представляется воскрешение – пусть только мысленное – погибшего на войне отца.

Военное детство – это и самоотверженный труд в колхозе, это подвиги на трудовом фронте как вклад в общую победу над врагом (стихотворение «Полюшко брани...», 1994):

*Выкосим травы,
Смечем стога...
Батки и братья,
Бейте врага!
Мы вам поможем,
Братья, отцы,
Сеном и рожью,
Шерстью с овцы,
Льном – на портянки!
Щавелем – в щи!*

В детских играх возникают военные образы: ...Копны как танки; детская удаль, юный задор и решимость сродни боевым действиям:

*Носимся с сеном!
Скачем верхом!
С кручи ныряем
В глубь-голубень,
В зное сгораем
За трудовень.*

Война реальная сопоставляется с «войной» трудовой:

*Бьются-стреляют
ГДЕ-ТО...
а тут:
Вилы мелькают,
Грабли снуют.
Вновь – без обеда
И допоздна.
Где ты, победа?
Что не видна?*

(слово **ГДЕ-ТО** выделено поэтессой).

Война в позднем стихотворении «Из детства»: «Весенним утром – голос петуха...» (2015) ассоциируется с долгим, трудным Великим постом перед Пасхой, олицетворяющим надежду на лучшее, на Светлое Воскресение Христово:

*День предпасхальный. В доме чистота:
Промыты стены, лавки, половицы.
Война. Мы не выходим из поста...
Но светлый ангел должен появиться.*

Образы матери и отца – самые сильные, самые проникновенные в стихах Ольги Фокиной о военном детстве.

Мать предстаёт в поэтических строчках сильной, гордой, неистовой в труде, не сдающейся бедам, не привыкшей жаловаться на плохую жизнь, не теряющей самообладания в самых отчаянных ситуациях. Наиболее показательно в этом плане стихотворение «Редко, но заходили...» (1975), в котором говорится о том, как приходили к матери кумушки, чтоб пожалеть её – вдову, оставшуюся с оравой детей:

*– Бедная ты, Клавдия,
Всех накормить, согреть,
Всем постелить, укутать,
Всех обстирать, обмыть.*

Ритм стихотворения подсказывает, что здесь используется диалектный акцентологический вариант имени матери Клавдия.

Приходили кумушки, правда, не столько для того, чтоб пожалеть, сколько «бросить камень в самую боль», и уходили неудовлетворёнными:

*– Не поглянулось гостье –
Видишь ли – не пищим! –
Надо бы рвать волосья,
Надо бы в голос выть!*

но такая реакция вовсе не в характере матери поэтессы:

*Слёзы! Ни днешь, ни присно
Вам не решить вопрос.
Руки, на вас надия!*

Ноженьки, не сдавай! – обращают на себя внимание совмещение в одном контексте архаизмов (ни днешь, ни присно), создающих особый пафос, диалектизма (надия 'надежда'), подчеркивающего подлинность диалектной речи, и фольклорного олицетворения (обращение к ногам, рукам) как проявление народного мировоззрения. И бывшие недоброжелательницы вынуждены были признать: – Сильная ты, Клавдия!; но это признание вызывает скромное и гордое: – Не городи, давай.

Лирическая героиня гордится своей матерью, рада, что она с братьями оправдала её ожидания:

*Первой тропу протопчешь
Дров нарубить в лесок.
Первой распашешь поле,
Первой нажнёшь снопок.
Первыми станут в школе
Дети: ученье впрок.*

Сильной матери нужно выдержать не только непосильную работу, не только вечную нужду, но и заплатить огромный налог государству (стихотворение «– Все болезни – от простуды...», 1966):

*Вынь да выложь честь по чести –
Мясо, шкуру от телка,
Три кило овечьей шерсти,
Триста литров молока;
иначе могут забрать за долги корову:
...За долги уже у двух
Вдов – свели кормилиц силой...
Ждёт и нашу тот обух;
иначе можно попасть под суд:
«Распишись под этой «птичкой»
И вон там ещё... и тут:
Завтра сдашь в селъпо яички,
А нето пойдёшь под суд».*

Со всем она справляется, только Убевая следит / Примерзает ко щеке. Нужно справляться во что бы то ни стало, поскольку:

*Дома плачет горько, долго
На сыром тряпье дитя:
Уж не первую недельку
В доме хлеба – ни куска.*

В многочисленных поэтических посвящениях Ольги Фокина неизменно отдаёт дань уважения своей матери, на которую она всегда равняется, быть достойной которой всегда старается:

*Гордая моя мама!
Горькая твоя доля
Голову носить ниже
Так и не научила.*

Держишь её – как надо:

*Дерзостью встретишь дерзость,
Вдесятеро заплатишь*

Людам за доброту... («Гордая моя мама!..», 1969);
по признанию поэтессы, она и стихи писать начала прежде всего для того, чтоб порадовать мать: Тянусь за тобою... Смогу ль, dorасту ли, / Когда-нибудь встану ль с тобой наравне? («Матери», 1982)

Образ ушедшего на войну отца, вернувшегося умирать от ран дома, часто воссоздается в поэтических сборниках Ольги Фокиной:

...На войну ушёл хозяин.

На войне – который год.

Худо бьётся, хорошо ли, –

Суждено ему упасть,

Защищая нашу долю,

Нашу землю, нашу власть («– Все болезни – от простуды...», 1966), и потому он не может помочь своей жене, не может защитить её от обид и невзгод.

Его отсутствие ощутимо сказывается на житье-бытье его жены и детей. Не успел он покрыть крышу тѣсом, оставил на потом:

...А потом пришла война,

Увела его она

Из-под крыши нетесовой,

Где детишки и жена.

Увести-то увела,

Привести – не привела...

(«Из детства»: «Свищет ветер за окном...», 1971)

Памятью об отце осталась посаженная им черёмуха, он спас её весной от шального ручья, который обнажил ей корни. Об этом рассказывает в одном из самых сильных стихотворений Ольги Фокиной «Черёмуха» (1960):

Черёмуха за старым огородом –

Единственная память об отце...

Он был тогда безусым, безбородым,

С улыбкой на обветренном лице.

Здесь создаётся образ талантливого, радужного, трудолюбивого человека – колхозного бригадира, увлечённого охотника, умелого резчика по дереву, любящего отца и мужа, образ, любовно сохранённый в детской памяти поэтессы, напомним, в год, когда началась война, ей исполнилось только четыре года:

...Мы были одинаковые ростом

С черёмухой. Той ласковой весной

Жилось мне так легко, светло и просто!

В какой из дней в наш тихий край лесной

Пришла война, об этом я не знала...

Должно быть, в толстой сумке почтальон

Её принес. И вот, отца не стало:

С котомкой подбегал к подводу он,

Когда, в постельке с тополиным пухом,

*Проснулась я, крича: «Меня забыл!» –
Но лишь ушанка свесившимся ухом
Махнула мне с отцовской головы.*

Как видим, здесь органично переданы детские представления и переживания.

Сюжет стихотворения отражает ключевые приметы войны: нужда, голод, несчастье: всё тише <...> звенели в доме наши голоса; всё чаще протекала наша крыша; для песни мать не разжимала губ. Однажды мать, не заметив, срезала вместе с молодыми побегами крапивы для супа «черёмуховый стебелёк упругий»:

*Но в этот день горька была похлёбка,
И запах был черёмуховый в ней...
Поняв, мы ложки положили робко
И сразу стали старше и умней.*

И далее юная лирическая героиня всеми своими малыми силами старается спасти ровесницу, не пожалев для этого хлеба, чтобы им, как клеем, / С пеньком другую ветвь соединить; нарядной ленточки, чтобы обвить черёмуху. Но всё было напрасно, к тому же ребёнок услышал от матери горько-беспощадное: –Батюка не вернётся / И никогда не спросит про неё. Но случилось чудо – в майский День Победы на черёмухе появился листок. Отцовская черёмуха для поэтессы стала символом «мужества и силы», «святой памятью отгравевших дней». И заканчивается ранняя редакция стихотворения довольно пафосно:

*Спи, мой отец.
Цвести по всей России
Раскидистой черёмухе твоей.*

Распространяя свою гордость за отца на всё поколение победителей, поэтесса употребила гиперболический образ, однако позднее от такого преувеличения и пафоса она отказалась:

*Спи, мой отец! Темна твоя могила,
Но вся в цвету черёмуха над ней.*

В лирическом, семейном плане, без патетики отцовская черёмуха упоминается в другом стихотворении:

*Только острый штык ствола,
Где черёмуха цвела,
Что ребятам в утешение
Посажена была.
Он садил её, отец,
Чтобы пел на ней скворец,
Чтобы ягода родилась...*

Пригодилась. Молодец («Из детства»: «Свищет ветер за окном...», 1971).

В позднем стихотворении «Человек разумный, коль не спрошен...» (2006) поэтесса воссоздает семейные картинки довоенные, военные, оказывается, она помнит себя трёхлетней, помнит ощущение радости от того, что родной огромный

человече / На свое плечо меня взметнул; помнит она и плохое, когда

*Мать отца к подводу проводила
И пришла, промокая насквозь.
Увезла подвода, укатила
Мужиков куда-то «на войну»,
И обратно их не возвратила
До сих пор. И я не возвращу.*

Потом мы видим, как старший брат-школьник читает письмо отца, как, лучинкой пробуя варящуюся в чугушке картошку, натывает одну из них и утверждает, что Это – «тятя». Он придёт обратно! / Наше ликование. Мамин вздох. Но этот мамин вздох даже спустя много лет наполнен для лирической героини тревогой:

*Этот вздох.
И кровь по жилам стынет:
Этот вздох – начало новых бед.*

Потому что нет ничего страшнее войны, смерти близких.

В проникновенном стихотворении «...Без сил...» (2006), посвящённом памяти отца, Ольга Фокина описывает его последний путь – из госпиталей домой:

*Сумел, упросил
Госпитальных врачей:
Мол, раз безнадежен...
А там – на сносях
Жена!..
И быть может...
И плакал, прося.*

Далее говорится о том, как попрощался с товарищами, как, качаясь без сил, добрался до вокзала, как ехал на поезде, лёжа на месте, которое ему уступила душа-проводница, как смотрел в окно на поля, где стоят кривоватые стожки, которые никто не помог жёнкам сметать:

*Сойти б, переставить,
Стога перекладь,
Остожье поправить,
Под стогом упасть,
Чтоб сено – за ворот,
И в нос, и в глаза,
Чтоб въедливый порох
Не вис на устах,
Чтоб запахи тлена
Из памяти – вон!*

И пришёл к нему благодатный сон, в котором всё получилось, / Как он захотел. Пронзительный, щемящий финал у этого стихотворения:

*...Не в отпуск – гостить,
Не косить, не метать, –
Его отпустили
Домой – умирать...*

Смерть и похороны отца описывает поэтесса в стихотворении или, можно сказать, маленькой поэме «Печное» («Печка-матушка») (1970):

...Поздняя осень.
Грядки рябы.
В гробе выносят
Отца из избы. <...>
Пламенем
Из подожжённых вериг –
Материн,
Душу вымающий,
Крик.

Здесь точно передано детское восприятие горя, осознание его:

Батько ты, батько!
Кто мне на платье
Из пазухи вынет?
Кто на полати
К играющим братьям
Вскинет-подымет? <...>
Не отвечает. Не может.
Не знает. Не слышит.
Ну ладно – платье.
Но тятя, тятя,
Кого нам, тятя,
С войны-то ждать?!

Для Ольги Фокиной образ погибшего отца воплощает в себе всё самое дорогое и важное для неё – трепетное, одухотворённое отношение к природе:

У него для природы милой
Лишь одно было имя: мать.
И его ли вина, что рано
Отшумели ему леса,
Что война растравила раны
И закрыла навек глаза
Не успевшему надышаться,
Не успевшему досмотреть,
Не уставшему восхищаться,
Не охрипшему песни петь...

(«Мой отец... Он давно не с нами...», 1959);

С любой былинкой чувствую родство,
Я радуюсь извечной жизни ладу,
И листика простое естество
Рассматриваю долго, как награду
Отцу –
Не награждённому ни разу...

(«Парады и награды – для живых...», 1985)

Война оставила глубокий след в судьбах людей, её переживших, в судьбе народа в целом. Об этом рассказывают стихи Ольги Фокиной.

В поэме «Алёнушка» (1965) речь идёт о судьбе шестилетней девочки, которой приходится, помогая матери, работать, зарабатывать себе кусок хлеба,

действие поэмы, скорее всего, происходит в войну или сразу после войны, в не самое сытое время для северной деревни:

В шесть годков свои Алёнка
У людей детей качает,
По зажиточным избёнкам.
Взяли люди – мать-то рада:
Едоков-то дома лишка!
Хоть одну кормить не надо
Кожурой да клеверишком,
Да соломой, да половой,
Да похлёбкой несолёной...
Хоть одна, поев ржаного,
Может, будет сохранённой.

Как видим, здесь вновь представлен скудный пищевой рацион, а различные вкусы видятся героине только во сне:

Вкусны-вкусны, вкусны-вкусны
Сейчас Алёнке снятся сны.

Алёнка во сне видит сказочный корабль с пряниками, с виноградом, за штурвалом этого корабля греется убитый на войне её отец:

Печатных пряников гора
На этом корабле,
Висит на мачтах виноград...
А кто ж там – на руле?
Усы смущённо теребя,
Взаправдашний, живой
Стоит и смотрит на тебя
Убитый батька твой.

Узнаём мы из поэмы и о тяжкой доле женщин, взваливших на себя мужскую работу:

Как тётка Акулина,
Которая пашет
На кляче Пропащей.
Все дни с утра до вечера,
С восхода до заката
Висят над плугом плечи:
То к лесу, то обратно.
Она и в день воскресный
Не сядет отдохнуть,
А только тянет песню,
Которую-нибудь.

А что это за песни? Затягивает Акулина горькие частушки о погибшем муже, о своей вдовьей участи, о голоде, о том, что такая жизнь хуже смерти:

«Ягодиночку убили,
Не поставили креста:
Его общая могила –
Человек четырёста». –
«А ягодиночку убили,
Да и мне бы умереть:
Ни который, ни которого
Не стали бы жалеть» <...>

«А надоело жить на свете –
Холод, голод и тоска.
Утром встанешь – хлеба нету
Ни единого куска». <...>
«А неужели это будет,
Неужели я дождусь:
Хлеба досыта наемся,
Чаю с сахаром напьюсь...»

Последняя частушка цитируется и в стихотворении «Дети мёду не едят...», которая предваряется словами: Вспоминается частушка, / Сочинённая всерьёз. Подобная вдовья частушка встречается и в поэме «Малина твоя»:

«А мы, подруженька, с тобой
Обе – сиротиночки:
У тебя и у меня
Убиты ягодиночки».

Реальные фольклорные произведения здесь привнесены или стилизация поэтессы под народное творчество, неважно, главное, что эти частушки красноречиво свидетельствуют о душевном и физическом состоянии народа в тяжёлые годы.

Одно из самых известных произведений Ольги Фокиной, которое очень популярно у подростковой аудитории и часто звучит на конкурсах чтецов, – это стихотворение «Подснежники» (1965). Его содержание навеяно детскими воспоминаниями мужа поэтессы – Александра Александровича Чурбанова (1936–2002). Действие происходит в годы войны в прифронтовой полосе, герой стихотворения – мальчишка, живущий с бабушкой, поскольку его родители на фронте:

Рос мальчишка далеко не неженкой,
Матери-отца почти не помнил...
Помнил он пожары, толпы беженцев,
Мертвецов, которых не хоронят.
Виселицу помнил – там на площади...
При нужде умел, хоть и не вор был,
Из-под носа утащить у лошади
Ячменём наполненную торбу.

Жуткие приметы войны вытеснили из памяти юноги героя образы родителей, но являются они ему во сне вместе с образом чудесных цветов:

И приснились раз ему подснежники –
Синие бубенчики со звоном. <...>
С листьями, как руки папы, добрыми,
С голосом забытым, материнским.

Трогательно, по-хорошему сентиментально развивается дальнейший сюжет стихотворения: мальчишка старается отыскать под снегом приснившиеся ему подснежники, но снег вскоре растаял: Нет таких цветов! – мальчишка понял. Горько стало мальчишке, он заплакал от отчаяния и сорвал на солнечной опушке голубые

простенькие цветы: Не под снегом – значит, не подснежники.

И дальше героя и читателей ожидает экспрессивный финал, который вряд ли кого-либо сможет оставить равнодушным:

– Наш родной, любимый, наш упрямый! –
Две шинели брошены на стулья...
Руки папы! Губы, голос – мамы!
Кончилась война – они вернулись!
И вот кульминация:
Но у этой неизбывной ласки
Быть в долгу мальчишка не захочет,
Он подаст цветы – не без опаски...
– Господи, подснежники...
Сыночек!

Такая эмоциональная встряска в раскрытии военной темы дорогого стоит.

Нередко в стихах Ольги Фокиной отражаются человеческие судьбы, опалённые войной:

Мужа в армию проводила,
А кого повинишь – война!
Жала, сеяла, молотила
За двоих, за троих – одна...
(«Кость да жила – оно и сила!», 1970);
А на кого ж сыны её покинут?
Тридцатый год в земле её солдат...
Да за неё все пять по сердцу вынут,
Не спрашивая почестей-наград...
(«Ну, вот и все выращены дети...», 1970);
Года бедовые,
Года военные.
Все девки – вдовы,
С дитями, бедные,
Уже который год
Их холод-голод гнёт...
А бабка – лишний рот! –
К ним доживать идёт...
(«У нашей бабушки...», сборник 2019 года);
Не вернулся муж с войны – загинал.
Оставались памятью о нём
Пять жердинок между вереинок –
Пять детей меж матерью-отцом.
Постоит у мужниных завор –
Всё-таки не вовсе без опор...

(«Не крестила, не благословляла...», 1998)

Судьба старого колхозного кузнеца, ветерана Гражданской войны, представлена в стихотворении «Без хозяина дом...» (1974), его образ подаётся глазами ребёнка военной поры:

Прокопчённый, седой,
Он внушал уважительный ужас,
Молчаливый, прямой, –
С пустяками к такому – не смей!
Мы мечтали: скуёт,

*Эх, скуёт он на фрицев оружие
И для наших отцов,
И для славных своих сыновей.*
Да вот только приходили в его дом одна за другой похоронки:

*На большого,
На среднего
И, не щадя, на юнца...*

И страдал, перемаивал горе за горем старый кузнец на своей кузнице, с головой уходя в работу, вколачивал он молотом в наковальню горький крик отчаяния:

*И скупое, мужское,
Солёное-пересолёное
Запекалось на горне, на молоте,
На деревеньках окрест.*

В этом же стихотворении встречается и народная характеристика врага-агрессора:

*И теперь старикам
Для отпора фашистской собаке
Провожать приведётся
Подросших любимых сынов.*

В стихотворении Ольги Фокиной «Пожилая вдова, вдова...» (1965) видна прямая перекличка с поэмой Н.А. Некрасова «Мороз, Красный нос»:

*Пожилая вдова, вдова
Рубит, рубит в лесу дрова.
Мужа нету ещё с войны,
Поразъезхались все сыны,
И по вёснам вдовы топор
Одиноко стучит с тех пор.*

Ср. у Некрасова: «Наплакавшись, колет и рубит / Дрова молодая вдова». Оба произведения заканчиваются смертью героинь.

Главной героиней поэмы «Малина твоя» («Хозяйка») (1976) является вдова погибшего фронтовика, набрела она на окраине дальних покосов на две берёзки, верхушки которых когда-то давным-давно они с мужем в четыре руки заплели, Красной гарусной ниткой из шали / Обручили два белых ствола. Оказалось, что эти берёзы так и выросли вместе, так и привыкли, так и сладили. И нахлынули на героиню горько-сладкие воспоминания:

*...Уходя на войну на рассвете,
Как умел ты меня утешал.
И берёзонки юные эти
Навещать, уходя, завещал.
А когда сообщили: убило,
Опустилась глухая стена...*

*До берёзок ли, миленький, было –
Лишь бы – хлебушек, лишь бы – сена.*

Ранее стихотворение поэтессы «...Ничего я, робя, не умею...» (1956) представляет собой монолог старой женщины, пятеро сыновей которой погибли

на фронте. Можно предположить, что к ней пришли школьники с просьбой рассказать о прошлом, о войне, о сыновьях:

*...Ничего я, робя, не умею:
Ни читать, ни писать не могу.
Потихоньку живу, да седею,
Да хозяйство своё берегу.*
Навещают её по воскресеньям снохи:

*Погостят,
О мужьях (о сынах моих) вспомнят,
Как любили, встречались как,
И на фронт провожали...*

*Как в дровни
Неумело впрягали коняг,
До полусмерти бились с работой,
Ночи тёмные спать не могли,
И сынов моих письма и фото,
Как иконы святых, берегли.*

*...Не стерплю иногда – и заплачу:
Пять ведь было – и все полегли!
А уж как они были горячи,
Не сыны, а цари-короли!*

Пригласил её председатель колхоза в президиум торжественного собрания:

*– Нет, иди, – говорит, –
За Сергея,
За Ивана, за друга Серьгу,
За Андрея, за Лёшку-гармошку...*

Поклонился ей председатель в ноги, вручил букет, приветствовали её люди аплодисментами, разволновалась героиня, заплакала, ничего не смогла сказать в ответ:

*...Крупнее горошин
Слёзы, слёзы текут по щекам...
Ничего я, робя, не сказала, –
Повинюсь неизжитой виной!*

Героиня убеждена, что людям нужен мир, она решительно выступает против войны:

*Брали подписи – я подписалась,
Как сказали, за счастье детей
Да за мир... Хотя почти не умею
Ни читать, ни писать, но зато –
Крепко-накрепко я разумею,
Что не надо войны и фронтов...*

Яркий обобщённый образ народа-воина, народа-труженика, защитившего, отстаившего родной край, родную страну в годы испытаний, создаётся в стихотворении «К юбилею родного района» (1973):

*Оставив дом на пряху-ткаху,
На мать-старушку, на жену,
Твой лесоруб, косарь и пахарь
Уйдёт-уедет на войну.
За это небо голубое,*

За цвет рябины под крыльцом
Он упадёт на поле боя
К родному северу лицом. <...>
А мать-жена, а пряжа-ткаха,
Под ветром силясь устоять,
Наденет мужнину рубаху,
Чтобы рубить, чтобы ковать.
Чтобы косить, пахать и сеять,
И чтобы ткать, и чтобы прясть,
Чтобы поднять большую семью,
Да и самой бы не упасть.

Здесь показано нерушимое единство фронта и тыла, единство, сплочённость народа, ставшее залогом Великой Победы.

Тема памяти о Великой Отечественной войне священна для многих поколений наших соотечественников, немало литературных произведений посвящены ей, важное место занимает она и в творчестве Ольги Фокиной.

В ряде стихотворений поэтессы появляются пронзительные образы ветеранов войны. Вот Единственный из класса, / Оставшийся в живых – герой стихотворения «Не фраза и не сказка...» из сборника 1983 года, в качестве эпиграфа к нему приводятся строки из известной песни: «В полях за Вислой сонной / Лежат в земле сырой...» (Е.Винокуров). Горько герою, тревожно, не даёт ему покоя память о войне:

...Свидетель и участник
Боев и похорон,
И в самый мирный праздник
Он слышит крик ворон.

Поэтесса уверена, что горькая память о войне должна пробуждать к жизни, и потому торжественно восклицает:

Но памяти подвалы –
На то они есть,
Чтоб жизнь пылала алым

Во веки! Присно! Днесь! (обращают на себя внимание архаизмы как маркеры высокого стиля). Заканчивается стихотворение на патетической ноте:

Высоко и прекрасно
Живи за всех за них,
Единственный из класса,
Оставшийся в живых!

А вот герой стихотворения «День Победы» из того же сборника с радостью работает на своём земельном участке ранним весенним утром, пока его домочадцы мирно спят, потом его позовут к завтраку, жена ласково подаст умыться, радостно приветствуя, повиснет на его шее внук:

Крепись, солдат! Спокойно пожидай
Плоды того, что сеяно в траншеях.
В окопах, в гари, в пламени, в пальбе,
В тоске, в предсмертном холоде ранений

Не это ль счастье грезилось тебе,
Опять даруя силу и терпенье?

Он всё преодолел ради будущей жизни, которую любит светло, неотразимо, он всё прошел, всё вынес ради того, чтоб были счастливы дети и внуки, чтобы земля рождала богатый урожай. Основной пафос стихотворения заключается в патетически-возвышенном, преисполненном благодарности и гордости обращении поэтессы к герою произведения, которое заканчивается так:

И пусть на миг внучонок обомрёт,
Под блеск наград смутившегося деда, –
При всех медалях выйди на народ:
Ты победил. И нынче – День Победы.

Подобное обращение поэтессы к своему герою лежит в основе стихотворения, названного точным указанием на его адресата «Ветерану войны» (сборник 1983 года):

Когда походкой неторопкой
Идёте к Вечному Огню,
На вас оглядываясь робко,
Я лишних слов не оброну.

С первых строк задаётся особый трепетно-уважительный тон, автор с пиететом наблюдает в праздничный день за ветераном, пришедшим поклониться памяти своих боевых товарищей:

Сквозь разноцветные салюты,
Сквозь величальные огни
Вас тянет к вечному, как будто
Железо – вы, а он – магнит.

Этот магнит не притягивает цветные лёгкие металлы, он всех испытывает на родимость. Поэтесса с восторгом и пафосом восклицает:

Для вас Огонь – не просто символ.
И День Победы – не слова...
Как – обнажённая – красива
Меж шляп и шляпок голова!;

она очень желает, чтоб огонь-магнит притянул соотечественника героя стихотворения, с которым он смог бы вспомнить о былом:

Как я хочу, чтоб въяве, вживе
(К металлу – родственный металл)
В минуту эту сослуживец
К вам подошёл и рядом встал!

Образ живого Вечного огня, притягивающего к себе как магнитом, Ольга Фокина использует в стихотворении «На Пискаревском кладбище» (1964):

У входа на кладбище – Вечный Огонь
По белому снегу распластан.
Я робко ему протянула ладонь,
Сказала негромкое: «Здравствуй».

Лирической героине пламя огня явило зримые образы мучеников, погибших от голода и холода в блокадном Ленинграде:

О пламя с глазами страдальца!
Я вижу в тебе золотой завиток,
Вконец исхудавшие пальцы,
Я вижу глубокие впадины щёк,
Огромные кости суставов.
Я вижу их – живших, не живших ещё,
Которых в ту зиму не стало.

Огонь памяти ласково трепетал с просветлённым
лицом, ясно заглядывал в души пришедших на клад-
бище экскурсантов, а потом рванулся им вдогонку –
поэтесса в финале стихотворения находит вырази-
тельное применение диалектизму «всугонь», органи-
чно рифмующемуся со словом «огонь»:

О как он рванулся всугонь!
Как начал по снегу метаться!
Нам тоже, нам тоже, товарищ Огонь,
Непросто с тобой расставаться.

Поэтесса убеждена, что
Парады и награды – для живых,
Но лёгших безымянными в могилы
Не тронет песня, не разбудит стих
И не поднимут слёзы самых милых;
потому что погибшие давно стали землёй внутри
земли, и из этой земли поднялись деревья, ставшие
для них живыми памятниками:

Вот почему, когда звучит оркестр,
Гремит салют во славу Дня Победы,
Я ухожу иль уезжаю в лес –
Поближе к ним, родным, – отцу и деду...

(«Парады и награды – для живых...», 1985)

Родина, родная земля – самое дорогое для чело-
века, ради её защиты он готов идти на смертный
бой, в этом тоже убеждена поэтесса:

Отчизна, Родина, опора,
Моё спасенье в час лихой,
И во спасение которой
На смертный бой готов любой...

(«Большая родина без малой...», 1986);

И если враг задумает отнять
Твоим трудом взлелеянное поле,
Не по страничке, что учили в школе,
Ты будешь знать, за что тебе стоять,
Ты будешь знать, за что тебе стоять!

(«Храни огонь родного очага...», 1975)

В сборнике Ольги Фокиной 2019 года можно об-
наружить такое стихотворение-реквием, восприни-
мающееся квинтэссенцией воплощения темы вой-
ны в творчестве поэтессы:

Люди военного времени
В небытие не ушли:
Стали вы камнем-кременем
Русской советской земли.
Множились подвиги воинов
Помощью тыловинов!
Этой силою сдвоенной
Мы одолели врагов.

Андрей Васильевич ПЕТРОВ

родился в 1964 году в г. Северодвинске Архангельской области.

Окончил Архангельский педагогический институт.

Доктор филологических наук,

профессор кафедры русского языка и речевой культуры

Северного федерального университета имени М.В. Ломоносова.

Автор более 200 научных и учебно-методических работ, среди них книги:

«Безличность как семантико-грамматическая
категория русского языка»,

«Система безличных предложений в современном русском языке»,

«Простые звуки родины моей...» Язык поэзии Ольги Фокиной»,

«Север в северной поэзии: лингвистический аспект»,

«Родниковое слово Федора Абрамова».

Публиковался в журналах: «Русская речь», «Север»,

«Русский язык в школе», «Филологические науки», «Двина».

